

БЕК У.

**ИЗМЕНИТЬ КЛИМАТ, ИЛИ КАК СОЗДАТЬ
ЗЕЛЕНый МОДЕРНИЗМ?**

Beck U.

Climate for change, or how to create a green modernity? // Theory, culture and society. – Los Angeles, 2010. – Vol. 27, N 2–3, March–May. – P. 254–266.

Ульрих Бек – профессор социологии Мюнхенского университета, сотрудничает с Лондонской школой экономических и политических наук, а также Гарвардской школой дизайна. Его публикация представляет интерес, поскольку она затрагивает ключевую проблему глобальной пасторали: как возможна и возможна ли вообще практическая реализация идеи восстановления гармоничных отношений между современным человеком и природой, а вместе с тем и климатической стабильности.

В восьми предлагаемых для обсуждения тезисах он поднимает проблему *перехода* от утвердившейся парадигмы модернизации к парадигме качественно нового типа – парадигме «Зеленый модернизации».

Наибольший интерес представляет социологический срез рассматриваемой проблемы.

Нам необходимо, пишет Ульрих Бек, атаковать ключевой вопрос: почему разрушение окружающей среды, угрожающей че-

ловечеству, не вызывает штурма Бастилии или Экологического Красного Октября? Почему острейшие вопросы нашего времени – климатическое изменение и экологический кризис – не встретили того же энтузиазма, энергии, оптимизма, рождения идеалов и пронизанного перспективой демократического духа, какой в свое время породили трагедии прошлого – нищета, тирания и война?

Ульрих Бек предлагает обсудить этот вопрос в своих восьми тезисах.

Тезис первый. При обсуждении климатической политики, поскольку она принимает характер элитного и экспертного дискурса, интересы, взгляды и голоса людей, обществ, граждан, рабочих, избирателей во многом не принимаются во внимание. Для того чтобы спустить обсуждение политики климатического изменения с небес на землю, необходимо учитывать выводы социологии.

Год за годом ученые, изучающие климат, представляли убедительные аргументы, объясняющие, почему глобальное потепление в конечном счете требует решительных действий. Цена принятия мер, направленных против глобального потепления, сегодня значительно меньше сравнительно с той ценой, которую будет стоить наше бездействие.

В будущем бездействие будет грабить глобальную экономику на 20% от ее производства ежегодно. С рациональной точки зрения мировые вложения в защиту климата сегодня будут возвращены с прибылью в будущем. Казалось бы, никаких извинений бездействия не остается. Но так ли это на самом деле?

Необходимо явно отдавать себе отчет в том, что осуществление политики климатического изменения предполагает изменение позиции общественности, *«зеленение обществ»*! Если не иметь большинства среди различных групп людей, которые не только говорят, но действуют и голосуют часто против собственных личных интересов, то климатическая политика будет провалена. Если мы не найдем ответы на злободневные и вместе с тем табуированные вопросы повседневной защиты политики и поддержки ее снизу, со стороны обычных людей различных классов, наций, политических идеологий, разных стран, по-разному чувствующих и воспринимающих изменение климата, то в этом случае политика климатического изменения не сможет предотвратить риск превращения земли в регион, заселенный лишь стаей птиц.

В чем заключается проблема социологии? Недостающее социологическое звено находится не в сферах «должного» и «возможного». Если бы только было достаточно одних добрых намерений!

Тяжелый социологический вопрос заключается в следующем: откуда может прийти поддержка экономических изменений, если эти изменения во многих случаях подрывают стиль жизни людей, их потребительские привычки, их социальный статус и условия жизни?

Это ключевой вопрос, на который нужно находить ответ.

Тезис второй. Для теоретической социологии существует важный момент, относящийся к толкованию понятия среды. Какой смысл имеет категория «среда»? Если категория «среда» включает в себя все, что не является человеческим и социальным, тогда это понятие оказывается в социологическом смысле пустым. Если же оно включает человеческие и социальные действия, то тогда оно оказывается ошибочным с научной точки зрения. Как проблема среды выглядит практически в исследовании социологии климатического изменения? На ум приходит знаменитое высказывание Макса Вебера: «До тех пор, пока последняя тонна органического топлива не станет пеплом» (*bis der letzte Zentner fossilen Brennstoffs verglüht ist*). Это больше, чем метафора: Вебер считал, что индустриальный капитализм генерирует ненасытный аппетит к естественным ресурсам, который подрывает его собственные материальные предпосылки. В работах Макса Вебера имеется экономический подтекст, который следует открыть применительно к XXI в. Победы современного капитализма готовят невиданный глобальный кризис, с неравномерно распределенными катастрофическими последствиями для всего человечества.

Неверно думать, что мейнстрим социологии игнорирует обострение проблемы климатического изменения. Существуют вдохновляющие прозрения и концептуальные модели классиков социологии – Вебера, Маркса, Дьюи, Мида, Дюркгейма, Зиммеля и др. Дьюи, подобно Веберу, говорил о «пустых тратах» американского капитализма и возможном «исчерпании» естественных ресурсов. Основоположники социологии видели неразумную динамику капиталистической модернизации, – динамику, представляющую угрозу для его собственных оснований, порождающую «изменение

изменений», «неопределенность времен», означающую «метаизменение». Однако социология упустила из виду сдвиг фокуса: это не «среда», а само современное общество трансформируется под воздействием невидимых последствий неутоляемой жажды естественных ресурсов.

Послевоенное поколение классических социологов не увидит этот горизонт в высшей степени амбивалентного процесса модернизации. Д. Белл отвергал «пределы роста» и «апокалипсическую историю экологического движения». Вместе с Талькоттом Парсонсом он утверждал, что современное общество все более и более живет «за пределами природы», а наша среда опосредована технологически и научно, и поэтому проблемы ресурсов будут полностью управляться технологическими инновациями и экономическими торговыми оборотами. Соответственно, послевоенные описания процессов модернизации предполагали разделение между «естественными» и «общественными» силами, имея в виду, что именно общественные, а не естественные силы таят в себе возможность катастрофы. Однако климатическое изменение доказало прямо противоположное. Стало просто смешным утверждение, будто общество и природа отделены друг от друга и взаимно исключают друг друга.

Происходит парадигматический сдвиг от «или–или» к «и то и другое», определяя ведущую перспективу, с которой начинают работать все большее число социальных теоретиков, таких как Латур, Урри, Адам, Гидденс и др. Но как понимать «климатическую политику»? «Климатическая политика» может трактоваться как некое кастрирование, если она игнорирует тот факт, что имеется в виду не климат, а трансформация базисных концепций и институтов, индустриальных и государственных, эпохи модернизма.

Тезис третий. Социальное неравенство и климатическое изменение – это две стороны одной медали. Сегодня нельзя концептуально осмыслить неравенство и власть, не принимая во внимание последствия климатического изменения; и нельзя концептуально осмыслить климатическое изменение, не принимая во внимание его влияние на социальное неравенство и власть.

Сегодня уже нет сомнения в том, что климатическое изменение делает глобальным и радикальным социальное неравенство как в национальном контексте, так и на глобальном уровне; это же

делает и климатическая политика. Чтобы исследовать это более глубоко, необходимо порвать с вводящим в заблуждение узким подходом, ограничивающимся общим социальным доходом или доходом на душу населения, в которых обычно заключается проблема неравенства. Соответственно, исследование сосредотачивается на фатальных следствиях обнищания, коррупции, аккумуляции опасностей и феномене чувства утраты достоинства на глобальном уровне.

Новая социология социального неравенства уже не может отделять себя от глобализации *социального равенства*. Если даже не увеличивается неравенство, происходит *рост ожиданий равенства*, что лишает легитимности и дестабилизирует систему национально-глобальных неравенств. Развивающиеся страны все более вестернизируются, полифоничные последствия климатического изменения и потребления ресурсов могут вскоре устранить целый ряд прежних предпосылок понимания национального неравенства. Ураган Катрина, например, «обездолит» людей, «разрушил» дома в США в Новом Орлеане. Новая социология не может исходить из того, что национальная и международная арены различны. Жизненные ситуации и жизненные шансы, которые раньше рассматривались в контексте неравенства, заключенного в границах государства-нации, теперь трансформируются в *ситуации выживания* или в *шансы выживания* в различных регионах всего мира. Если некоторые страны или группы стран могут до некоторой степени ограничивать следствия торнадо, наводнений и т.д., то другие, непривileгированные, испытывают коллапс социального порядка и эскалацию насилия.

Возникает парадокс: чем больше норм равенства признается глобально, тем более неразрешимыми оказываются климатическая проблема и проблема социально-экономического неравенства. Это – не проблема, которая решается с помощью официальной риторики о всемирном братстве. Она требует обостренного восприятия взрывной силы социального неравенства в век климатического изменения, пафоса проявляющегося в повседневной жизни, в политике и в образовании.

Тезис четвертый. Климатическое изменение обостряет существующие неравенства между бедными и богатыми, между центром и периферией, но одновременно и сглаживает их. Чем серь-

езнее планетарная угроза, тем меньше возможностей у самых богатых и самых сильных избежать ее. Климатическое изменение иерархично и демократично. Оно порождает космополитический императив: «сотрудничай или потерпишь поражение». Он может и должен быть транслирован в обновленную «зеленую политику», которая позволяет понять, что распространенный наивный катастрофический реализм ошибочен. Климатические риски не тождественны климатическим катастрофам. Они предвосхищают в настоящем катастрофы будущего, которые можно предотвратить. Это «настоящее-будущее» климатического риска реально; «будущее-будущего» климатической катастрофы все еще нереально. Вместе с тем открывается возможность преодоления участи политики национального государства и рождения космополитической реальной политики в национальных интересах.

По мере того как мировая общественность осознает тот факт, что система национальных государств подвержена глобальным рискам (климатическое изменение, глобальный экономический кризис, терроризм), начинает возникать нечто исторически новое, а именно – космополитическое видение, в котором народы предстают для самих себя в качестве частей мира, находящегося под угрозой, а с другой стороны, – как часть их локальных историй и ситуаций выживания. Глобальные риски разрывают национальные границы, перемешивают местное с зарубежным и не в силу миграционных процессов, а скорее в силу взаимозависимости. Повседневная жизнь становится космополитичной. Вместе с тем происходит изменение доминирующего настроения миллионов, «популис» начинает освобождаться от прежних устремлений власти над природой.

Тезис пятый. Климатическое регулирование начинается с вопроса: как преодолеть организованную безответственность? То, что для Маркса было «производственными отношениями» капиталистического общества, для общества риска становится *«отношениями формулирования»*. К отношениям формулирования относятся правила, учреждения и способности идентификации рисков в данном контексте (например, *внутри* национального государства или в отношениях *между* национальными государствами). Они образуют правовую, эпистологическую и культурную силовую матрицу, в которой и организуется политика риска. Видоизмене-

ние регулирования может изучаться через посредство кластеров вопросов: кто определяет опасность угроз и рисков? На ком лежит ответственность – на тех, кто создает риски, на тех, кто получает выгоду от них, или на тех, кто является жертвами управления рисками? Кто устанавливает каузальные нормы, которые определяют, когда отношение «причина – следствие» может быть признано реальным? Что считается «доказательством» истины в мире, где всякое знание оспаривается и считается лишь вероятным? Кто решает вопрос о выдаче компенсации тем, кто пострадал внутри одного национального государства или между ними? Возможен ли договор между менеджерами риска и жертвами риска в мировом сообществе?

Имея в виду эти вопросы, становится ясно, что общества, находящиеся в зоне риска, являются пленниками тех форм поведения, которые полностью игнорируют глобальность экологических кризисов. Политика климатического изменения часто концентрирует свои усилия на *последствиях* и игнорирует условия и причины, которые производят и воспроизводят климатические (и другие) проблемы как невидимые побочные эффекты.

Тезис шестой. Политически взрывной характер глобальных рисков определяет их представление в средствах массовой информации: глобальные риски превращаются в «космополитические события». Видимый характер созданных таким образом рисков делает невидимое видимым. Это обеспечивает общую включенность глобальной публики в событие и общность его переживания. Таким образом космополитические события становятся высокосимволичными в локальном и глобальном, публичном и приватном, материальном и коммуникативном смыслах.

Чтобы понять это, можно сослаться на картину, представленную Дьюи в 1946 г. Дьюи защищает тезис, согласно которому не действия сами по себе, а их *последствия* оказываются в сердце политики. Хотя он размышлял не о глобальном потеплении и не о террористических атаках, однако его теория вполне применима к обществу возникающих мировых рисков.

Конфликты вокруг рисков имеют просветительские функции. Они дестабилизируют существующий порядок, но вместе с тем могут рассматриваться как жизненный шаг по пути создания новых институтов. Глобальный публичный дискурс возникает не

из консенсуса в отношении решений, а скорее из несогласия относительно *последствий* принимаемых решений. Очевидно, что глобальные риски могут нарушать механизмы организованной безответственности.

«Насильственное просвещение», создаваемое мировыми рисками, способствует транснациональной гибкости, глобальной кооперации и координации ответов со стороны космополитически ориентированной общественности. «Я считаю, – пишет Ульрих Бек, – что риски главным образом создаются человеком и становятся неспросчитываемыми угрозами, ведущими к катастрофам. Хотя в принципе они предсказуемы, но, однако, они невидимы в своих исходных основаниях и поэтому зависимы от того, становятся ли они определяемыми и обсуждаемыми в сфере “знания”. Соответственно, их «реальность» в дискурсе может либо драматизироваться, либо минимизироваться, трансформироваться или просто отрицаться в соответствии с нормами, определяющими, что можно считать познанным, а что непознанным. Если мы признаем это в качестве сердцевины понимания и предотвращения риска, то это значит, что мы должны придать большее значение средствам информации, признавая их потенциально взрывной политический характер».

Западные средства информации дают представление о климатическом изменении, не только показывая их как глобальное зрелище, но подчас и занимая более активную позицию, обращая внимание на те образы, которые раскрывают в полную силу угрозу, которую несет глобальное потепление. В итоге географически удаленные пространства становятся буквально ощутимыми и узнаваемыми для возможной озабоченности и для действия. И сегодня это позиция не только отдельных газет; она превращается в мейнстрим, ключевое направление информационной деятельности. Но не следует недооценивать и национальный срез в мировых новостях. Особенно это относится к ситуациям военных действий. Война продолжает освещаться через очки национальных интересов.

Тезис седьмой. Глобальные экологические риски парадоксальным образом вызвали гибель политики сохранения среды. Вопрос Гретхен, ключевой вопрос, который противостоит политике зеленых, это парафраз Гёте: «Wie hältst du es mit der Moderne» – какова ваша позиция в отношении модерна и экономического роста?

Совершает ли позиция модерна *грех* в отношении природы? Или она требует смелости изобретательности, чтобы стать пионером альтернативного модерна?

Альтернативный модерн включает новое видение процветания, не совпадающее с экономическим ростом, за который бьются те, кто молится на алтарь рынка. Он определяет богатство не в экономических терминах, а как всестороннее «благополучное бытие».

Богатство будет определяться по-новому – как то, что создаст для нас свободу быть уникальными индивидуальностями, свободу жить вместе с другими будучи равными и различными. Это охватывает нашу креативность и силу изобретать новые институты, новые методы производства, новые формы потребления, чувствительные к глобальному разрушению среды. Это утверждает космополитическое видение положения стран, потому что всякая успешная попытка в стабилизации климата будет разрушать расхождение между защитой среды, экономическим ростом и глобальной справедливостью. Китай, Индия, Бразилия и африканские общества не согласятся с любым международным подходом, который будет сдерживать экономические стремления их народов, – и они не должны это делать. Экологическая озабоченность должна создавать условия процветания развивающихся стран. Развивающиеся экономики будут поддерживаться точно до такой степени, до которой Запад осуществляет вложения в свое развитие и принимает при этом новые определения богатства и роста, согласующиеся с заказами других стран в глобальном мире.

Если признать оппозицию между модерном и природой, то тогда следует признать и то, что планета оказалась слишком хрупкой, чтобы оправдать надежды и мечты о лучшем мире. Тогда придется поддерживать своего рода международную кастовую систему, при которой развивающиеся страны будут обречены на постоянную нищету. И политика во всем будет «анти-»: антииммиграционной, антимодерной, антикосмополитичной. Она будет политикой антироста, станет сочетанием мальтузианства и консерватизма Гоббса. В отличие от таких социальных теоретиков, как Дюркгейм и Вебер, Хоркхеймер и Адорно, Парсонс и Фуко, Ульрих Бек считает, что в свете климатического изменения независимая и автономная система индустриальной модернизации начинает

испытывать процесс самораспада и самотрансформации. В этом контексте и открывается глобальный диалог о новом толковании модернизации.

Тезис восьмой. Космополитизм – это сила множества игроков. Тот, кто мыслит исключительно в национальных терминах, становится проигравшим. Тот, кто учится видеть мир через космополитические очки, сможет избежать упадка, с одной стороны, и открыть новые возможности – с другой. Чувство эмансипации и силы, которое возникает в ходе преодоления национальных барьеров, может пробудить энтузиазм, направленный на то, чтобы модернизация стала зеленой.

Космополитические игроки имеют несколько козырных карт в отношении своих национальных оппонентов. Они могут показать, кто является опытным космополитическим «львом», а кто является лишь национальной «лисой». Космополитический подход открывает транснациональную арену политического действия.

Ульрих Бек предлагает для прояснения ситуации метафору: человечество может быть уподоблено гусенице, вылезающей из своего кокона. Оно может сожалеть об исчезновении своего состояния жизни в коконе и при этом не подозревать, что гусеница будет превращаться в бабочку. Вопрос также состоит в том, выходит ли социология из своего кокона и не становится ли она гусеницей, находящейся на пути превращения в бабочку.

Л.В. Скворцов